

Перед отъездом в Турцию, встретив Дьякову на Васильевском мосту, Хемницер взял с нее обязательство «наградить своими письмами», особенно когда «за недосугами» будет молчать Львов (67). Уже в Смирне получил он от Марии Алексеевны в подарок «петлицу на шляпу», которая сразу же стала «обновкою на свадьбе шведского поверенного в делах при Порте <...> Вот, сударыня, какой этой петлицы *debut* будет» (80). Он всегда был рад любым вестям от Дьяковой: «Покорно благодарю вас, сударыня, что вы обо мне помнить изволите: я же виноват перед вами, думая иногда в ипохондрических моих припадках, что вы меня забыли» (74). Однако Хемницер не имел с Марией Алексеевной собственно личной переписки. В своих посланиях Львову он кланялся его «подруге» и лишь иногда обращался непосредственно к ней в самых изысканных, галантных, учтиво-игривых выражениях и, как правило, по-французски. Порой Хемницер писал сразу обоим своим друзьям, воспроизводя атмосферу дружеской беседы: «Твоя подруга, говоришь ты, подле тебя, тихонько прерывает тебя в дружеских размышлениях, которые ты мне посвящаешь, искренно уверяет меня в своей привязанности ко мне и посылает мне петлицу. Право, с вашей стороны очень любезно, что вы, милостивый государь, и вы, милостивая государыня, будучи наедине друг с другом, вспоминаете о третьем лице, вашем приятеле <...> Как бы я желал описать вам чувства, которые теснились во мне при чтении этих строк в вашем письме! о Дружба! — Прощайте!» По всей видимости, Львовы нередко вместе читали письма от Хемницера и вместе составляли ему ответы. «Так, милостивая государыня Марья Алексеевна; он, этот он, много ко мне написал, между тем как вы, припавши к нему на ушко и на плечо, возле него сидели и дожидались: когда он писать кончит, чтобы вам начать» (79).

За все время переписки друзья не позволили себе ни одной оскорбительной двусмысленности. Хемницер знал о тайном венчании Львова и поздравлял супругов, когда отец Дьяковой согласился признать брак. «Вам, милостивая государыня Марья Алексеевна, **уже без страха ЛЬВОВА**, скажу, что я вашим письмом теперешним, где вы уже без страха подписались **ЛЬВОВОЙ**, как быть как водится доволен был» (92). Позволю себе предположить, что Мария Алексеевна была не роковой и не единственной привязанностью пылкого баснописца, который умел ценить женское обаяние и под утро уходил с бала. Только во время путешествия в Европу имел он несколько любовных приключений. К супружеским узам относился он с некоторым опасением, осуждал брак ради денег, а злой жены боялся не меньше «дел подъяческих и спорных» (291).

Проверенные годами отношения двух друзей также противоречат предположениям о мнительной ревности одного из них. Львов всегда пытался помогать Хемницеру, и, кажется, нет причин подозревать его в неискренности. Используя связи с М. Ф. Соимоновым,